

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ РУСИСТИКА: ВЗАИМОПЕРЕСЕЧЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

MODERN AMERICAN RUSSIAN STUDIES: THE INTERSECTION OF METHODOLOGICAL APPROACHES

E. Kurenkova

Annotation

The proposed article is devoted to changes in American historiography of Russia related to the political transformation of relations between the US and Russia over the past few decades. The object of the study was modern American Russian. The subject is the methodological approaches used in modern American historical science in the study of the history of Russia. The task is to show the intersection of methodological approaches: the creation of author's concepts on the basis of the theory of cultural anthropology, the increase in the relative importance of the cultural history of society and the social history of culture. Show the ability of American Russian Studies to respond to the demands of the time through the emergence of new topics and objects of research: as a rule, the ideas circulating in the world science are attached to the Russian material. This contributes to the fact that the history of Russia is brought in American Russian Studies in line with the common European history. The author shows a new view of American Russian Studies on the fundamental issues of Russia's historical development: the selection of the early modern period, the change in the perception of reforms, a number of events in Russian history cease to be considered unique and exclusive and fit into the context of the global crisis of the early 20th century. As a result of the research, the author records changes in the perception of Russia by American scientists. This, in turn, leads to the formation of a new historical image of the country.

Keywords: modern American Russian studies, the study of Russian history, methodological approaches, cultural research, research subjects.

Куренкова Евгения Алексеевна
К.и.н., доцент,
Московский государственный
областной университет

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена изменениям в американской историографии России, связанным с политической трансформацией отношений между США и Россией за последние несколько десятилетий. Объектом исследования стала современная американская русистика. Предметом – методологические подходы, используемые в современной американской исторической науке при исследовании истории России. Задача – показать взаимопересечение методологических подходов: создание авторских концепций на основе теории культурной антропологии, повышение удельного веса культурной истории социума и социальной истории культуры. Показать способность американской русистики отзываться на запросы времени через возникновение новых тем и объектов исследований: как правило, идеи, циркулировавшие в мировой науке, прилагаются к российскому материалу. Это способствует тому, что история России приводится в американской русистике в соответствие с общеевропейской историей. Автор показывает новый взгляд американских русистов на фундаментальные вопросы исторического развития России: выделение периода раннего Нового времени, изменение восприятия реформ, ряд событий российской истории перестают считаться уникальными и исключительными и вписываются в контекст общемирового кризиса начала XX в. В результате исследования автор фиксирует изменения в восприятии России американскими учеными. Это в свою очередь ведет к формированию нового исторического образа страны.

Ключевые слова:

Современная американская русистика, изучение истории России, методологические подходы, культурные исследования, тематика исследований.

История в США всегда занимала ведущее место в Russian studies как по количеству подготовленных специалистов, так и по своему научному уровню. За полвека было опубликовано несколько сотен очень серьезных монографий и сборников по истории России и СССР и огромное количество высоко профессиональных статей. А за последние двадцать лет, когда к историкам присоединились антропологи, этнологи и литературоведы, работающие в русле "нового историзма", в Северной Америке (при активном взаимодействии с учеными из Великобритании и Австралии) сложилась новая историография России, предложившая иной взгляд на считавшуюся прежде "варварской" и "экзотической" од-

ну шестую часть суши. Характерной чертой этой историографии представляется отход от конфронтационного мышления эпохи холодной войны.

В отличие от исследований времен холодной войны, когда всячески поощрялась междисциплинарность, понимавшаяся как "содружество социальных наук" (которые при этом активно отстаивали свою дисциплинарную идентичность), в современных условиях происходит некая ассимиляция наук. По осторожному замечанию американского антрополога Д. Роджерса, вести рассуждения о взаимодействии антропологии и истории на языке дисциплинарности, или более того, "хваленой междисципли-

нарности" – не самый многообещающий путь, который вряд ли сулит прорыв в будущее [2]. По его словам, в современных условиях, когда все большую роль в русистике начинают играть культурные исследования (cultural studies) с их "открыто антидисциплинарным характером", уже не имеет особого смысла выделять "антропологический" либо "исторический" подходы и сюжеты и фиксировать их взаимопересечения [8].

Многие антропологи работают в архивах, а историки используют материалы устных интервью; в обеих дисциплинах высок интерес к таким, например, темам, как историческая память. Даже, казалось бы, "чисто антропологические" полевые исследования благодаря своему обращению к коллективной памяти изучают в конечном счете историю России, и многие авторские концепции создаются на основе теорий культурной антропологии, исторической социологии и под влиянием чрезвычайно популярного у ряда историков Мишеля Фуко.

Та же самая ситуация наблюдается и в другой области: из года в год в американской русистике прибавляется количество литературоведческих работ, посвященных истории; при этом литературоведческий анализ все шире используется историками.

Общая тенденция такова, что при одновременном сокращении работ по политической истории возрастает удельный вес культурной истории социума и социальной истории культуры [1]. Уже в начале 2000-х гг. библиографам стало трудно определить, к какой области формально отнести ту или иную монографию: история, литературоведение или история искусств. Гуманитарный характер американской русистики становится очевиден.

Конечно, старые темы по-прежнему присутствуют в американской историографии России: революция, реформы, социально-экономические проблемы, история внешней политики. Но нельзя сбрасывать со счетов, что в современной американской русистике существует тенденция исследовать старые темы при помощи новых подходов, и это дает в некоторых случаях совершенно ошеломляющие с точки зрения прежней, советской историографии результаты [9]. В качестве примера стоит привести книгу Фредерика Корни об Октябрьской революции, которую он рассматривает как событие, сконструированное постфактум (Corney F.C. Telling October: Memory and the making of the Bolshevik revolution, 2004).

Что касается новых тем и объектов исследований, то они, как правило, возникают неслучайно. По большей части это те проблемы, которые находятся в центре внимания коллег – специалистов по истории США и Западной Европы. Берутся актуальные для американской новостной темы (например, история консюмеризма, индустрии

моды, досуга и спорта), и применяемые для их анализа подходы прилагаются к российскому материалу. Так, книга Стивена Коткина "Магнитка" (1995) о создании большевистской цивилизации, которая оказала огромное влияние на постревизионистские исследования сталинского СССР, во многом шла за теми идеями, которые циркулировали в мировой науке. В частности, его концепция советской модерности создавалась на волне интереса к социальному государству – welfare state.

Все это лишь свидетельствует о способности русистики отзываться на запросы времени, а также – о выходе ее из историографической изоляции, в которой, как считается, русистика находилась в годы холодной войны. Кроме того, таким образом, достигается пресловутая "релевантность" русистики – т.е. подтверждается ее значение для изучения мировой истории в целом [6, с.15].

Интеграция с мировой историографией способствует тому, что история России приводится в американской русистике в соответствие с общеевропейской историей. Особенно активно это происходит в исследованиях Московской Руси. В частности, предложена и аргументирована новая периодизация, поставившая под вопрос традиционное значение петровских реформ как водораздела в истории России. Выделяется период раннего Нового времени, соответствующий современным представлениям о европейской истории. Он датируется приблизительно 1500–1800 гг. [7, с.410–425]

Литературоведы, специалисты в области культурных и гендерных исследований также внесли в периодизацию истории России свой вклад. Выделяется два особенно значимых периода, причем реформы не играют здесь той важной роли, которая традиционно отводилась им во времена господства теории модернизации. Первый из них (1780-е – 1840-е гг.) ассоциируется в литературоведении с последовательно сменявшимися друг друга эпохами сентиментализма и романтизма, а в социальном отношении он характеризуется становлением его идеологии [5, с.3]. Те же процессы фиксируются и в России, т.е. опровергается тезис о так называемом "отсутствующем среднем классе". Николаевское царствование, которое историки привыкли воспринимать как один из самых "мрачных" и "безысходных" периодов в истории России, означает в этом контексте нечто совсем иное. Это эпоха романтизма и национализма, эпоха торжества "ценностей домашней жизни" и вызревания новых интеллектуальных течений и последующих реформ.

Второй значимый для современной американской историографии России период охватывает 1880-е – 1930-е гг. Этот период традиционно ассоциируется с индустриализацией, войнами и революцией 1917 г., ко-

торая интерпретировалась как эпохальный водораздел в мировой и российской истории. Теперь во главу угла ставятся общеевропейские и общемировые тенденции. Считается, что, как и другие страны Европы, Россия пережила духовный кризис рубежа веков, бурное развитие в начале XX в. массового производства и потребления, массовой культуры и прессы, подъем религиозных движений и резкое усиление духа национализма [4, с.22]. Это эпоха модерности, отмеченная также возникновением массовой политики. Русская революция перестает считаться событием уникальным и исключительным и вписывается в контекст общемирового кризиса начала XX в.

Иначе выглядит в трудах американских историков и сталинская эпоха. На смену исследованиям репрессий и крестьянского сопротивления пришли история потребления и досуга, семьи и рабочего места, массовой культуры и образования, наконец, изучаются пути и способы формирования новой личности – советского человека. Предлагается культурное измерение национальной политики и политики репрессий (например, Hoffmann D.L. *Stalinist values: The cultural norms of Soviet modernity, 1917–1941*, 2003). При этом нельзя сказать, что исследования ГУЛАГа сошли на нет, но в них, во-первых, большое место теперь занимает субъективное и гендерное измерение.

Во-вторых, сталинские репрессии становятся частью общего контекста и анализируются под иным углом зрения, как, например, в книге Катерины Кларк "Москва – Четвертый Рим" (2011), где предлагается культурологическая интерпретация показательных процессов 1936–1938 гг. В энциклопедической по своему охвату книге представлена широкая панорама интеллектуальной жизни Москвы 1930–х годов, причем в центре внимания находятся космополитические тенденции и синхронность культурных процессов в СССР и Западной Европе.

Книга К. Кларк представляет собой пример транснационального подхода, который приходит в американскую русистику буквально сейчас, в последние несколько лет. Это серьезная заявка на то, чтобы "вывести из изоляции" Советский Союз, который рассматривался в зарубежной русистике преимущественно как особый феномен – в отличие от Российской империи [2]. Не так давно ее окончательно "вернули" в "семью европейских наций" (*Russia in the European context, 1789–1914: a member of the family* / Ed. by S. McCaffray, M. Melancon, 2005).

Процесс "возвращения" начался в американской русистике в 1990–е гг., на волне борьбы с наследием холодной войны, в том числе и с европоцентризмом.

Тогда активно критиковалась тенденция постоянно сравнивать Россию с Европой, демонстрировать ее от-

клонения от западной "нормы". С тех пор опубликовано появилось много интересных работ, анализирующих проблемы "Россия и Запад", предложены разные рецепты ее разрешения, хотя ни один из них нельзя назвать окончательным. Тем не менее, "революционные 90–е" и здесь принесли свои плоды: в новом тысячелетии противопоставления "отсталой" России "цивилизованному" Западу практически исчезли из серьезных работ [9]. Это выглядит ненаучным и некорректным, поскольку "принимает" Россию.

Более того, в американской историографии, независимо от методологических предпочтений исследователей, утвердился более позитивный взгляд на российское прошлое. Не закрывая глаза на трагические и мрачные его стороны, американские русисты сосредотачивают свое внимание на замечательных достижениях Российской империи (причем не только в области культуры). Характерно, что они отдают предпочтение диалогу, сотрудничеству и взаимовлиянию, а не конфронтации, что в конечном итоге ведет к изменению общей тональности исследований и исчезновению из них обличительных нот.

Постепенно исчезают (или отодвигаются на обочину) и привычные, хотя давно уже критиковавшиеся противопоставления "государство/общество", "власть/оппозиция", "традиционное/современное (европеизированное)", а вместе с ними и так называемый "конфронтационный подход". Склонность к консенсусу, толерантность и, если так можно выразиться, оптимистический взгляд на историю России при одновременном повышении требований к критике источников – отличительные черты современной американской историографии [3, с.59].

С практической точки зрения имеет смысл зафиксировать серьезные изменения в восприятии России ее американскими исследователями, что неизбежно ведет к формированию нового исторического образа страны. В сущности, можно уже говорить и о складывании некой новой концепции исторического развития России. Процесс этот находится в своей начальной стадии, и на данном этапе, помимо уже сказанного, остается лишь констатировать, что со времен окончания холодной войны американская русистика сделала колоссальный рывок вперед в изучении истории России.

Чрезвычайно усложнилась общая картина прошлого России, так же как и понимание социума, политики, индивида; добавилось множество новых понятий, возникли не только новые темы и области исследований, но и новый язык (почти не переводимый на язык отечественной исторической науки) [1]. И в предметном, и в дисциплинарном, и в методологическом отношении, и в том, что касается конкретно-исторических интерпретаций – это действительно "другая история".

ЛИТЕРАТУРА

1. Бербанк Дж. Новые течения в американской историографии о России: власть и культура [Электронный ресурс]. Доступ к документу: http://www.hrono.info/statii/2005/amer_ru.html#1
2. Большакова О. В. Другая история: Современная американская историография России // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2014. – Т. 5. Выпуск 7 (30) [Электронный ресурс]. Доступ к документу: <http://history.jes.su/s207987840000838-0-1>
3. Большакова О. В. Рец.: Коллманн Н. Ш.. Преступление и наказание в России раннего Нового времени // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – 2015. – № 4. – С.59.
4. Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Самарский университет, 2000. – С. 22.
5. Лапшина Н. С. Антропологический подход к изучению вопросов власти и права в России конца XIX – начала XX вв.: обзор современной американской историографии / Н. С. Лапшина // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 3.
6. Маджеска Дж. Американская историография средневековой истории России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска. – Самара: Самарский университет, 2001. – С. 15.
7. Martin R.E. The Petrine divide and the periodization of Early Modern Russian history // Slavic review. – 2010. – Vol. 69. – № 2. – P. 410–425
8. Rogers D. Historical anthropology meets Soviet history // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. – 2006. – Vol. 7. – № 3
9. Эткинд А. Американская русистика: история второго мира из первых рук / А. Эткинд // Новая русская книга. – 2001. – №3–4 [Электронный ресурс]. Доступ к документу: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/13.html>

© Е.А. Куренкова, (kurenkovagane@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

